

Белинская Е.П. «Субъективный метод» Н.К.Михайловского как предвестник новой методологии гуманитарного знания

English version: [Belinskaya E.P. N.K.Mihkaylovsky's "subjective method" as a precursor of new methodology in humanities](#)

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)
[Ссылка для цитирования](#)

На примере взглядов Н.К.Михайловского выделяются основные принципы новых методологических позиций русской общественной мысли рубежа XIX–XX вв.; рассматривается их реализация в концепции «герои и толпа»; раскрывается значение «субъективного метода» русской этико-социологической школы для последующего развития социально-психологических взглядов на проблему взаимоотношений личности и общества.

Ключевые слова: русская этико-социологическая школа, субъективный метод, концепция «герои и толпа», методологические принципы субъективной рациональности

...У порога его сознания уже поднимался бунт против ограниченности позитивизма.
Н.А.Бердяев, Критический этюд о Н.К.Михайловском

Одним из принципиальных и уже повсеместно признаваемых векторов развития современной психологии является критика позитивистски ориентированного ее варианта. Данное движение, нередко обозначаемое как движение за создание «новой парадигмы», возникновение «постнеклассической психологии» и т.п., отражая общую для эпохи постмодерна «гуманитаризацию» общественных наук, в максимальной степени характерно сегодня для социальной психологии. Интересно, что хотя данная область психологической науки имела в нашей стране более чем сложную судьбу, в полной мере испытав на себе идеологический прессинг тоталитаризма и имея в результате практически 50-летний перерыв в возможностях своего развития, современная российская социальная психология оказалась крайне восприимчива к данному парадигмальному слому в психологии в целом. Закономерно возникает вопрос – почему?

Представляется, что «чувствительность» отечественной социальной психологии к утверждающейся в настоящее время методологии «субъективной рациональности» имеет в истории русской общественной мысли достаточно отдаленные гносеологические предпосылки. Одной из них, с нашей точки зрения, является «субъективный метод» Н.К.Михайловского в анализе взаимоотношений личности и общества, представленный им в известной теории «героев и толпы», которая по праву считается одной из ярких концептуальных позиций русской этико-социологической школы. Проследить определенные «переключки» взглядов исследователя с современными методологическими поисками социальных наук – та задача, которую мы ставим в данной статье.

Обратимся вначале к историческому контексту возникновения и развития концепции «героев и толпы».

Отметим сразу, что, в отличие от, например, представлений о социальном прогрессе или о человеческой индивидуальности, взгляды Н.К.Михайловского на данную проблему не представляют собой концептуально стройного и завершенного целого, а также в значительной степени являются непосредственными откликами яркого публициста на конкретные события общественной жизни России конца девятнадцатого века (в частности, «холерные беспорядки» и еврейские погромы 90-х

годов).

Так, в период 80–90-х гг. девятнадцатого века Н.К.Михайловский публикует ряд публицистических статей, объединенных одной проблематикой: «Герои и толпа» (1882), «Научные письма: к вопросу о героях и толпе» (1884), «Патологическая магия» (1887), «Еще о героях» (1891), «Еще о толпе» (1893). Первые две из них выйдут в «Отечественных записках», а более поздние – в журнале «Русское богатство», и будут опубликованы как единый цикл лишь в посмертном издании собрания сочинений автора 1906 года. Неоднократное обращение к одной и той же теме обуславливалось не только естественной динамикой мысли исследователя. В значительной степени оно было реакцией на выход в свет (начиная с 1890 года) русских переводов работ западноевропейских авторов, осуществленных Издательским домом Ф.Павленкова в Санкт-Петербурге, среди которых – «Гениальность и помешательство» С.Ломброзо, «Умственные эпидемии» Р.Реньяра, «Преступная толпа» С.Сигеле, «Законы подражания» Г.Тарда, «Психология народов и масс» Г.Лебона. Формально обращенные к одному и тому же сюжету – феноменологии изменения поведения человека в большой неорганизованной группе (толпе), – работы Н.К.Михайловского и данных авторов исходно существенно различаются характером методологического поиска: для Михайловского проблематика «героев и толпы» есть прежде всего утверждение конструктивного применения «субъективного метода». Примечательно, что именно возможности критической рефлексии последнего привлекают спустя несколько лет молодого Н.А.Бердяева, посвятившего свою первую крупную работу анализу «субъективного метода», – в 1901 году выйдет его «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К.Михайловском» с обширным предисловием П.Б.Струве.

Социокультурные основания возникновения концепции «героев и толпы» очевидны: известное постреформенное разочарование русской либерально-демократической интеллигенции, развитие в ней политически оппозиционных настроений, предчувствие смены образа жизни и всего культурного контекста в силу реалий бурного развития капитализма в России, наступление «века масс» взамен ожидаемой эпохи «просвещенного народа» – все это отразилось в мировоззрении позднего Н.К.Михайловского как идея антагонизма личности и общества, противостояния идеалов человечности и естественного хода исторического развития. Примечательно, что данные основания отчетливо рефлексировались самим мыслителем. Так, в эти годы он без прежнего оптимизма смотрит на будущее России, отмечая ее «зародышевое состояние», которое может «повернуть в разные стороны, как хорошие, так и дурные». В значительной степени эта перемена взглядов связана с общественной ситуацией 80-х гг., когда «под покровом толков о народе началась самая гнусная, самая возмутительная травля на интеллигенцию, а вместе с нею и на просвещение вообще» [Бердяев, 1999, с. 289–290]. По свидетельству Михайловского, обращение в это время к проблематике «героев и толпы» имело для него прежде всего личностный смысл – так как именно в эпоху реакции, когда каждый «засосан мелкой и узкой действительностью», актуализируется извечное человеческое стремление к идеалу. Таким идеалом для всего поколения Н.К.Михайловского было желание – при известной увлеченности анализом объективных причин социальных явлений и нередких отсылках к «естественнонаучным» основаниям прогресса, – самому стать активным субъектом истории, противопоставить активное вмешательство личности, воодушевленной сознательно намеченными и нравственными целями, «естественному ходу вещей». Именно поэтому тема «героев и толпы» стала для исследователя саморефлексией положения того поколения либерально-демократической интеллигенции, которое в 80–90-е гг. оказалось наиболее чувствительным к факту, что в русской общественной жизни «слова остались, животворящий дух исчез» [Михайловский, 1998, с. 159].

Существовал, естественно, и определенный интеллектуальный контекст возникновения концепции «героев и толпы», а также реализации в ней «субъективного метода». К нему прежде всего можно отнести ставшее к тому времени очевидным объективное обеднение результатов социо-гуманитарных исследований при условии их жесткого базирования на принципах позитивизма. Именно окончательное осознание невозможности построения гуманитарного знания по образцу естественно-научных дисциплин, поиск путей междисциплинарного анализа социальных явлений, отрефлексированная представителями русской общественной мысли необходимость смены методологии для Н.К.Михайловского выразились в продолжении работы над «субъективным методом», утверждении требования активного и целостного субъекта [1], борьбе, по образному выражению В.Зеньковского, «с раздроблением духа в цивилизации» [Зеньковский, 1997]. Именно в этом цикле статей Михайловским окончательно утверждается идея неизбежности ценностно окрашенного взгляда исследователя в социальных науках. При этом подобная этическая предвзятость,

с его точки зрения, не есть гносеологическое ограничение, которое надо учитывать или же преодолевать каким-либо способом (например, методически), а, напротив, системообразующий способ познания для наук о человеке: «кроме истинности, достаточной для естествоиспытателя, предвзятое мнение социолога должно отразить в себе его идеал справедливости и нравственности, и смотря по высоте этого идеала, он более или менее приблизится к пониманию смысла явлений общественной жизни» [Бердяев, 1999, с. 20]. Иными словами, по мысли исследователя, истину нельзя отделить от идеалов и ценностей познающей личности не только онтологически, но и гносеологически.

Как же конкретно реализовывалось применение Н.К.Михайловским субъективного метода в концепции «героев и толпы»?

Прежде всего, оно выразилось в специфике его ответа на вопрос о поиске единого предметного основания гуманитарных наук, о потенциальной междисциплинарности знания о человеке. В качестве такового для Н.К.Михайловского выступает психология. В основе подобного выбора исследователя лежит отмеченное еще в более ранних работах [2] противоречие между способами познания в естествознании и в гуманитарных науках – несовпадение «правды-истины» и «правды-справедливости». В концепции «героев и толпы» оно разрешается Н.К.Михайловским как требование психологизации обществознания, перемещения его фокуса внимания к «душевым явлениям». Сетую на раздробленность, фрагментарность современного ему знания о социальной природе человека, он видит возможность преодоления данного состояния через обращение к психологии как обобщающей и систематизирующей науке: «есть ... область знания, более или менее близкое знакомство с которой самые снисходительные люди должны, кажется, признать обязательным для историка, экономиста или юриста. Это – область душевных явлений» [Михайловский, 1998, с. 13]. Характерно, что подобный выбор Михайловский обосновывает не объективным уровнем развития психологии как науки, а очевидной субъективной «известностью», представленностью пресловутых душевных явлений любому человеку, в том числе – исследователю: «как ни много в этой области спорного, гипотетического и условного, душевные явления настолько известны все-таки, чтобы можно было по достоинству оценить психологические моменты различных теорий» [Там же. С. 14]. Заметим, что речь идет не столько о психологии вообще, сколько именно о социальной психологии – изучение именно «массовых движений», «человека в толпе», «природы отношений между толпой и тем человеком, которого она признает великим» (т.е., по сути, социально-психологическое содержание) должно стать основанием «истинного сотрудничества различных областей знания» [Там же. С. 15].

Но дело, конечно, не только в «субъективной известности» социально-психологических реалий для любого гуманитария. С точки зрения Н.К.Михайловского, подобный выбор определяется также яркой феноменологией иррациональных изменений поведения человека в большой неорганизованной группе (толпе). Тем самым выдвигаемые требования междисциплинарности гуманитарного знания неминуемо начинают включать в себя и требования его нового предметного содержания: внимание к иррациональным началам поведения, и более того – к попыткам приведения человеком данной иррациональности к рациональным объяснениям, к «субъективной рациональности». И с этой точки зрения «субъективный метод» становится таким способом анализа психологических аспектов социального поведения человека, который предполагает исчезновение противопоставления субъекта и объекта: «мыслящий субъект только в том случае может дойти до истины, когда вполне сольется с объектом и ни на минуту не разлучится с ним, то есть войдет в его интересы, переживет его жизнь, перемыслит его мысль, перечувствует его чувство, перестрадает его страдание, проплачет его слезами» [Бердяев, 1999, с. 148].

Подобное «слипание» субъекта и объекта, столь гносеологически нехарактерное для той эпохи, не могло не вызвать сопротивления современников. Собственно, именно психологизация социальных наук, утверждаемая с опорой на «субъективный метод», станет одной из основных линий критики взглядов Н.К.Михайловского со стороны Н.А.Бердяева.

В своей работе 1901 года «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К.Михайловском» он, отдельно останавливаясь на понимании субъективного метода как «метода психологического» [3], будет всячески подчеркивать его предметную ограниченность, невозможность применения за пределами психологического знания. Характерно, что в трактовке Бердяева субъективный метод редуцируется до метода самонаблюдения, толкования тех или иных

реалий в терминах внутреннего опыта, то есть метода интроспекции в его классическом понимании В.Вундтом, на работы которого он и ссылается. И хотя – с известной долей непоследовательности – размышляя далее о возможности применения «психологического метода» в общественных науках (в частности, в социологии), Бердяев отметит, что он есть «не что иное, как требование величайшего объективизма, на какой только способен человек» [Бердяев, 1999, с. 152], требование, чтобы «мы объясняли психологию масс людей и их действия на арене истории не со своей субъективной точки зрения, а с точки зрения их исторической эпохи» (т.е. ставя себя на *их* место, переживая *их* мысли и чувства и т.п.), его оценка субъективного метода все равно останется критической, не признающей того факта, что подобный методологический принцип очевидно расширяет пределы познаваемого в социальных науках – как минимум за счет включения в них субъективных оценок и интерпретаций этического толка. Для Михайловского же «субъективный метод» не был «методом психологическим» именно потому, что предполагал обращение в исследовании не только к чувственному (социальному, психическому), но и к нечувственному (этическому, эстетическому) опыту человека, а потому не мог быть сведен к интроспекции и тем самым представлен всего лишь как конкретная методика вербализации внутреннего, индивидуального опыта. Более того, представляется, что *«субъективный метод» в понимании Михайловского может быть квалифицирован как первая попытка обращения внимания гуманитарных наук на определенную конвенциональность социальных реалий – в силу включения интерпретативного принципа в познание социальности*. И это, на наш взгляд, задает современное звучание концепции «героев и толпы», ее «переключку» с новой эпистемологией социально-психологического знания. А именно – социальным конструкционизмом, который в конце двадцатого века станет парадигмальным ответом на общий кризис сциентизма в гуманитарных науках, так же как и в 80–90-е годы девятнадцатого столетия «субъективный метод» Н.К.Михайловского был попыткой преодолеть очевидные ограничения построения гуманитарного знания по образцу естественных наук.

Второй линией реализации Н.К.Михайловским «субъективного метода» в концепции «героев и толпы», на которой хотелось бы остановиться в контексте заявленной темы, является понимание им условий возникновения самого «феномена толпы».

В отличие от многих своих зарубежных современников, обращавшихся к проблематике «психологии масс» (мы имеем в виду прежде всего Г.Тарда, С.Сигеле и Г.Лебона), Михайловский неоднократно подчеркивает, что в центре его исследовательского интереса стоят именно *отношения* героя и толпы, основой которых постулируется специфика восприятия одного человека большой группой людей в определенных условиях. Толпа и герой, тем самым, не являются оценочными категориями, что видно из определений, даваемых Н.К.Михайловским в самом начале работы: *«Героем мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело. Толпой будем называть массу, способную увлекаться примером, опять-таки высокоблагородным или низким, или нравственно-безразличным. Не в похвалу, значит, и не в поругание выбраны термины...»* [Михайловский, 1998, с. 6]. Более того, с точки зрения Михайловского, возникновение толпы неотделимо от появления героев («герои не с неба сваливаются на землю, а из земли растут к небесам... их создает та же среда, что выдвигает и толпу», а потому героем может стать кто угодно: «злодей, глупец, ничтожество, всемирный гений или ангел во плоти» [Там же]). Тем самым эта «связка» – герои и толпа – неразрывна в силу наличия неких общих механизмов своего возникновения. Как следствие, Михайловский не выделяет разные виды толпы (или массы) – в отличие от, например, Тарда, проводившего различие между бессознательной толпой, движимой силой стихийных и разрушительных настроений, и сознательной публикой, формирующей общественное мнение [Тард, 1902, с. 8–9]. Заметим здесь же еще одно характерное отличие: если для Тарда антитезой толпы является публика, то для Михайловского, неявно, – народ. Именно поэтому он столь категоричен и не всегда точен в оценке «Законов подражания»: «Тард непреклонен, как математически прямая линия, считая, что коллективная мысль или деятельность всегда ниже мысли или деятельности индивидуальной» [Михайловский, 1998, с. 194].

Иными словами, основной предмет исследования для Михайловского составляет не выявление тех или иных выдающихся индивидуальных особенностей, позволяющих человеку стать «героем», а также не описание различных типов «толп» и их действий; *основная задача состоит в выяснении характера отношений героя и толпы, а также условий возникновения данных отношений как ответственных за процессы подавления сознания и воли индивидуальности*.

Как же характеризуются автором эти условия? Каковы механизмы выдвижения героев и возникновения толпы?

Отметим сразу, что ответ Н.К.Михайловского на эти вопросы существенно отличен от позиций его западных современников. Так, условия возникновения особых отношений героя и массы на тот исторический момент в принципе не рассматриваются ни Г.Тардом, ни авторами «психологии масс» С.Сигеле и Г.Лебоном[4]. Анализ же механизмов формирования толпы ограничивается Тардом принципом подражания[5], а точка зрения Лебона фактически сводится к постулированию особого закона «духовного единства толпы» [Лебон, 1898]. Собственно, доформулировка своей позиции по данному вопросу в ходе заочной полемики с Тардом и Сигеле и составляет содержание последних двух статей Н.К.Михайловского[6], завершающих концепцию «героев и толпы».

Несогласие Михайловского с позицией Тарда обусловлено непринятием абсолютизации идеи подражания. Напомним, что в «Законах подражания» Тард отводит последнему центральную роль в общественной жизни – по его мнению, подражание выполняет функции воспроизведения, распространения и унификации социального опыта, обеспечивая тем самым как динамику, так и стабилизацию социальных отношений: «В общественном отношении все оказывается изобретениями и подражаниями; подражания – это реки, вытекающие из тех гор, что представляют собой изобретения» [Тард, 1892, с. 3]. Отметив роль подражания в социальной жизни на три года ранее своего известного французского коллеги[7], Н.К.Михайловский в более поздних работах будет постоянно подчеркивать принципиальную вероятность его проявления: «подражание – вещь несомненная и вместе с тем таинственная» в силу непонятности оснований выбора объекта подражания; оно «обрывается при самом ничтожном препятствии»; обращать внимание на роль бессознательных двигательных усилий подражающего как усиливающих сам процесс подражания и т.п. Соответственно, делается итоговый вывод: «признать подражание единственным двигателем массовых движений невозможно» [Михайловский, 1998, с. 38], так как «дело в особенностях настроения масс и усиленной работе воображения» [Там же. С. 45].

Соответственно, возникает вопрос о причинах тех или иных массовых настроений, «запускающих» в определенный момент воображение толпы, которое, собственно, и наделяет одного из своих членов атрибутами героя. Именно в этом контексте Михайловский и обращается к анализу условий «толпотворения».

Они рассматриваются исследователем двояко: во-первых, как условия социальные, а во-вторых, как условия сугубо психологические. В качестве социальных условий «толпообразования» Михайловский отмечает общественное разделение труда и его дегерсонизирующие следствия, а в качестве психологических – причины аффективного свойства: отсутствие эмоционально ярких событий, бедность перцептивного опыта человека, когда «самостоятельная жизнь индивида поедается скудостью и однообразием впечатлений» [Михайловский, 1999, с. 64].

Оба этих плана понимаются им как взаимосвязанные. Неуклонное развитие производства, когда «каждая функция дробится, обособляется, выделяется» благодаря жесткой регламентации процесса труда, становится, согласно Михайловскому, причиной разнообразия и усложнения социальной жизни (в силу как минимум увеличения количества форм социальной солидарности). Одновременно с этим, вследствие неминуемого функционального отношения к личности, обедняется жизнь индивидуальная, а потому – «разнообразие общественной жизни может ... находиться в прямом противоречии с богатством личной жизни и даже обуславливать ее однообразие, скудость, односторонность» [Там же. С. 67].

Но с точки зрения социального психолога представляется интересным не столько выделение данного противоречия, сколько его дальнейшая интерпретация Н.К.Михайловским. Логично было бы предположить, что в своем «субъективном» выражении оно будет рассматриваться им с мотивационно-потребностной точки зрения – как достаточно распространенной для рубежа XIX–XX столетий. К слову, именно так и поступит при реконструкции взглядов Михайловского В.Зеньковский в своем обширном труде, посвященном сравнительному анализу русской и западноевропейской общественной мысли: «круг потребностей личности все расширяется... но вместе с тем удовлетворение их становится несоразмерно затруднительным вследствие понижения личности ... В человеке будится страшная жажда, но вместе с тем отнимается сила доползти до ручья...».

Михайловский же обращает внимание на аффективные следствия данного противоречия, понимая под «скудостью» индивидуальной жизни не только и не столько трансформации мотивационной сферы, а – прежде всего – определенную динамику чувств, переживаний, «бедность и однообразие личных впечатлений» [Михайловский, 1998, с. 85]. Именно этим в конечном итоге объясняется им возникающая в толпе склонность к подражанию вообще и к ее патологическим формам в частности: обедненность чувств влечет за собой однообразие представлений («ослабление мысли»), создавая питательную среду для единообразия «психологических процессов в толпе», следствием которых и является подражание. И с этой точки зрения «субъективный метод» есть одна из первых попыток включения в акты познания аффективного контекста на социально-психологическом материале. Сегодня, когда современная социальная психология, обращаясь к анализу закономерностей социального познания, все чаще ставит акцент на необходимости выявления специфической роли эмоций в восприятии социальной действительности, данная попытка приобретает актуальное методологическое звучание.

Итак, подытожим сказанное.

Осознание необходимости смены методологических позиций в гуманитарных науках, которое характеризовало русскую общественную мысль на рубеже XIX–XX веков, выражалось в следующих позициях.

Во-первых, усиление критического отношения к принципам позитивизма заставляло исследователей активно искать альтернативные методологические основания. Одним из выражений данного поиска стало утверждение идеи междисциплинарности как необходимого условия прогресса общественных наук. В качестве одного из возможных оснований данной междисциплинарности постулировалась необходимость изучения психологической стороны социальных реалий.

Во-вторых, подобная «психологизация» общественных наук с необходимостью требовала обращения к изучению не только чувственного (социального и/или психического) опыта человека, но и к его этическому и эстетическому опыту. При этом этическая позиция исследователя начинала мыслиться не ограничением познания, а самостоятельным гносеологическим принципом, открывающим новые перспективы для гуманитарного знания.

В-третьих, известное преобладание онтологических проблем над гносеологическими, столь характерное для русской общественной мысли в целом, и связанная с этим общая онтологизация проблематики гуманитарного знания вызывали к жизни антропологизм как принцип объяснения социальности, законов общественной жизни в целом. Именно через призму человека, внимание к его ценностям, нравственным основаниям бытийности утверждался будущий принцип субъективной рациональности, выражающийся в исчезновении жесткой оппозиции «субъект-объект», неминуемой конвенциональности при объяснении социальных явлений, а также изучении когнитивных и аффективных явлений в их взаимосвязи.

Концепция «героев и толпы» Н.К.Михайловского была одной из первых форм социально-философского знания, в которых эти принципы были реализованы.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Национального центра научных исследований Франции (CNRS – Centre National de la Recherche Scientifique), проект 09-06-95321a/фр.

Литература

Бердяев Н.А. Н.К.Михайловский и Б.Н.Чичерин (О личности, рационализме, демократизме и проч.) // Типы религиозной мысли в России. Париж: YMCA-Press, 1989. С. 179–196.

Бердяев Н.А. Бунт и покорность в психологии масс // Интеллигенция – Власть – Народ: Русские источники современной социальной философии: антология. М.: Наука, 1992. С. 117–124.

Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии: Критический этюд о

Н.К.Михайловском. М.: Канон+, 1999. 480 с.

Зеньковский В. В. Н.Н.Страхов, Л.Н.Толстой, Н.К.Михайловский // Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей. М.: Республика, 1997. С. 86-102.

Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Изд-во Ф.Павленкова, 1898. 316 с.

Михайловский Н.К. Герои и толпа: Избранные труды по социологии: в 2 т. / отв. ред. Козловский В.В. СПб.: Алетейя, 1998. Т. 2.

Михайловский Н.К. Литература и жизнь // Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии: Критический этюд о Н.К.Михайловском. М.: Канон+, 1999. С. 305-354.

Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892. 372 с.

Тард Г. Общественное мнение и толпа. М., 1902. 202 с.

Тард Г. Личность и толпа. Очерки по социальной психологии. СПб., 1903. 178 с.

[1] Ибо «учение, включающее человека в великую мировую цепь причин и следствий, превращает его в пассивный механизм» [Михайловский, 1998, с. 43].

[2] «Записки профана», «Борьба за индивидуальность», «Что такое прогресс?».

[3] В отличие от других возможных его пониманий, которые также составляют предмет анализа для Н.А.Бердяева, – как антитезы объективному методу и позитивизму; как нравственного закона, которому подчиняется исследователь; как своеобразной позиции при решении вопроса о роли личности в истории; как «субъективной формулы» социального прогресса [Бердяев, 1999].

[4] Обращение к их анализу возникнет в западноевропейской общественной мысли значительно позже – впервые лишь в 1923 году З.Фрейд подробно рассмотрит данный вопрос в своей единственной социально-психологической работе «Психология масс и анализ человеческого Я».

[5] С точки зрения Г.Тарда, именно благодаря механизму подражания население Европы «превратилось в издание, набранное одним и тем же шрифтом и выпущенное в нескольких сотнях миллионов экземпляров» [Тард, 1892, с. 15].

[6] Н.К.Михайловский, «Еще о героях» (1891), «Еще о толпе» (1893).

[7] Первая статья Н.К.Михайловского по проблематике «героев и толпы», значительной своей частью посвященная «социальной мимикрии», выйдет в 1882 году, а «Les lois d'imitation» Г.Тарда – в 1885.

Поступила в редакцию 28 июня 2009 г. Дата публикации: 28 декабря 2009 г.

[Сведения об авторе](#)

Белинская Елена Павловна. Доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 5, 125009 Москва, Россия.
E-mail: elena_belinskaya@list.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Белинская Е.П. «Субъективный метод» Н.К.Михайловского как предвестник новой методологии

гуманитарного знания [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 6(8). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[К началу страницы >>](#)